

ИХАРА САЙКАКУ

Под сенью сакуры

Москва
2024

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)-44
И95

Перевод с японского и вступительная статья
Татьяны Редько-Добровольской

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Ихара Сайкаку.

И95 Под сенью сакуры / Ихара Сайкаку ; [перевод с японского Т. Редько-Добровольской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-207342-7

Ихара Сайкаку — признанный классик японской литературы, отточивший мастерство бытового рассказа, — писал живым и сжатым слогом с затейливой изобретательностью, со вспышками юмора и словесной игры.

Жанровый диапазон творчества Сайкаку необычайно широк. В этой книге читатель найдет разные по характеру произведения — любовные, бытовые, волшебнo-фантастические, судебные и другие. Ирония, сарказм, пародийный гротеск — излюбленные приемы автора, но в смехе его слышна печаль о превратности жизни и человеческой судьбы.

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)-44

© Т.И.Редько-Добровольская,
перевод на русский язык,
вступительная статья, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-207342-7

ИХАРА САЙКАКУ И ЕГО «РАССКАЗЫ ОБ ИЗМЕНЧИВОМ МИРЕ»

Журавль, летящий к западу

«Отпускать шутки и писать остроумные вещи есть свойство умов великих...»¹. Эти слова Сервантеса можно с полным правом отнести к знаменитому «осакскому насмешнику», вошедшему в историю японской литературы под именем Ихара Сайкаку (1642—1693).

Ихара — фамилия писателя, Сайкаку — псевдоним, который по смыслу составляющих его иероглифов означает «Журавль, летящий к западу». Оба эти слова несут повышенную семантическую нагрузку: журавль — символ долголетия, запад в буддийской символике — Чистая Земля, рай Будды Амиды. Однако в японском языке существует и слово-омофон «сайкаку» со значением «сообразительность», «смекалка», «деловая сметка». Не исключено, что писатель вкладывал в свой псевдоним и этот смысл, намекая тем самым как на свое купеческое происхождение, так и на прославившую его словесную находчивость и изобретательность.

Сайкаку занимает почетное место в ряду писателей-классиков своей страны. Его произведения переведены на многие языки мира. В Японии написаны сотни книг и статей, посвященных различным сторонам его творческой биографии. И все же Сайкаку по сей день

¹ Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский. Часть вторая. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 34. (Перевод Н. М. Любимова.)

остается одной из самых загадочных фигур в истории японской литературы.

Певец любовной страсти — и суровый моралист, призывавший читателя остерегаться женских «хитростей» и «проказ».

Жизнелюбец, человек отнюдь не аскетического мировоззрения — и отшельник, окончивший свои дни в уединенной хижине.

Летописец города, не боявшийся «рыскать по грязным закоулкам современной жизни» (так неодобрительно отзывался о нем его великий современник — поэт Басё), — и виртуозный мастер поэтических сцеплений, намеков и реминисценций.

Романист, воспитанный на традициях средневековой литературы, — и смелый ниспровергатель литературных норм и приличий.

Профессиональный сочинитель, работавший по заказу издателей, принужденный ориентироваться на вкусы публики, — и создатель бессмертных шедевров, пленяющих богатством фантазии и поныне хранящих свое живое обаяние...

В предлагаемую вниманию читателей книгу включены произведения Сайкаку, написанные в разные годы и в разных жанрах. Каждому из них присущи свои особенности, свои характерные черты. Но, взятые вместе, они образуют некую художественную целостность. Во всем, что создано писателем, безошибочно угадываются черты его зоркого, ироничного таланта. Творчество Сайкаку — плод индивидуального художественного стиля и индивидуального художественного сознания.

Рождение этой новой и неповторимой по своему своеобразию творческой личности было во многом обусловлено характером эпохи, несшей в себе могучую энергию перемен.

«СКРОМНЫЙ РЕНЕССАНС»

XVII век был поворотным этапом в жизни Японии. В 1603 году князь Иэясу, основатель могущественной династии Токугава, сокрушив сильных и непокорных противников, провозгласил себя сёгуном — верховным военным правителем и объединил раздробленную на отдельные феодальные княжества страну в централизованное государство. Отошли в прошлое века кровавых междоусобиц и смут, установился долгожданный мир, и Япония вступила в новый период своей истории.

Началась так называемая «эпоха Кинсэй» (буквально — «ближние века»), длившаяся более двух с половиной столетий и занимающая промежуточное положение между Средневековьем и Новым временем.

Главной приметой этой эпохи стал невиданный расцвет городской цивилизации. Центрами культуры были уже не дворцы и не монастыри, а крупнейшие города того времени — Киото, сохранивший величие и престиж древней столицы Японии, новая сёгунская столица Эдо, порт Нагасаки, куда разрешалось заходить иностранным торговым судам. И, конечно же, родной город Сайкаку — Осака, о котором русский книжник, автор рукописной «Космографии» 1670 года, сообщал:

«... Есть город Оссакая, славен и вельможен. И волен во всем. Во всех восточных царствах славнейший. К тому городу из разных окрестных государств с разными товарами приезжают, ярмонки и торговли великие бывают. Жители того города — торговые люди. Средней статьи [жители] — всяк имеет 10 000 золотых червонных

и больше. А большой статьи — несказанного богатства купцы»¹.

Сословная система того времени выражалась формулой: «самураи, земледельцы, ремесленники, торговцы». Поставленные феодальным законом на низшие ступени социальной иерархии, не обладавшие ни привилегиями, ни какой-либо политической властью, горожане, особенно купечество, сосредоточили в своих руках реальную экономическую мощь и огромные богатства. В финансовую зависимость к ним все чаще попадали феодалы, которых те ссужали деньгами под залог имущества, вплоть до земельных участков. Богатые купцы окружали себя роскошью, способной вызвать зависть даже у представителей самурайской знати.

В 1649 году правительство издало указ, свидетельствующий не столько о жесткой притеснительной политике властей в отношении горожан, сколько об экстравагантности вкусов последних: им запрещалось носить повседневную одежду из шелка, жить в трехэтажных особняках, украшать жилище золотой и серебряной фольгой, пользоваться лаковой утварью, расписанной золотом.

В произведениях Сайкаку можно встретить немало иронических замечаний по поводу овладевшего горожанами духа расточительства. «В последнее время, — писал он, — купеческие жены сплошь и рядом потянулись к роскоши. При том, что у них нет недостатка в одежде, каждая норовит заказать себе к новогоднему празднику наряд по последней моде. Ей угодно, чтобы он был сшит из самого дорогого шелка, да еще расписан самым изысканным узором, так что плата мастеру перекрывает

¹ О Японии, или Япан-острове. // Л. М. Ермакова. Российско-японские отражения. М.: Наука — Восточная литература, 2020. С. 314.

стоимость самой материи... Пояс ей подавай из настоящего атласа, какой в старину завозили к нам из Китая. Право, уж лучше бы она опоясалась монетами из чистого серебра! Гребень у нее в волосах, должно быть, тянет на два золотых — с таким же успехом она могла бы украсить прическу тремя полновесными мешками риса!»¹

Городская жизнь XVII века была, как никогда прежде, интенсивной и разнообразной. Быстро разрастались торговые улицы, с ними соседствовали кварталы увеселительных заведений и театров. Эти «нехорошие места» служили центром притяжения и для знати, и для незнатного люда.

Гетера — законодательница мод, певица и музыкантша, обученная не только тайнам «науки страсти нежной», но и искусству поэзии, каллиграфии, аранжировки цветов, — влекла к себе сердца как светских шеголей, так и представителей художественной элиты. Ремесло жрицы продажной любви не считалось позорным. Напротив, образ «юдзё» — «девы веселья» был овеян романтическим ореолом и, по идущей от Средневековья традиции, ассоциировался не только с женской красотой, но и с высшей мудростью: переменчивость ее сердца олицетворяла непостоянство всего сущего как универсальный закон бытия.

Эпоха Сайкаку, какой ее запечатлело искусство, проникнута ощущением пышности, свободы и праздника, что вполне объяснимо, если оглянуться на предшествующие века японской истории, сопровождавшиеся жесточайшими потрясениями и катаклизмами. И хотя, как у всякой эпохи, у нее имелась и своя неприглядная из-

¹ Все цитаты из японских источников, за исключением особо оговоренных случаев, даются в переводе автора статьи.

нанка, это было время, когда, по выражению американского исследователя Г. Гиббетта, «недуги сёгуната, ставшие уже хроническими, еще не успели перейти в стадию обострения»¹.

Правительство Токугава поощряло просвещение. Князю Иэясу приписывается следующее высказывание: «Как может человек, далекий от Пути Просвещения, должным образом управлять страной? Единственным способом приобщения к знаниям служат книги. Посему издание книг есть первейший признак хорошего правителя»². Под просвещением в ту пору понималось прежде всего приобщение к конфуцианскому учению, ставшему государственной идеологией. С этой целью в стране было создано множество школ, как правительственных, так и частных. Наряду с выходцами из привилегированного сословия возможность учиться в них получили и дети горожан.

С ростом грамотности возникла потребность в книгах. Дорогостоящие рукописи не могли удовлетворить возросший читательский спрос. С появлением в 20-х годах XVII века коммерческой печати широкое распространение получило книгопечатание способом ксилографии. Оттиснутые с резных деревянных досок, книги стали издаваться большими тиражами, с искусными черно-белыми иллюстрациями и выполненным каллиграфической вязью текстом. Они были сравнительно недороги, доступны даже горожанам средней руки.

Значительное место в книжной продукции XVII века занимали произведения японской классической ли-

¹ H. S. Hibbett. *The Floating World in Japanese Fiction*. Tokyo, 1975. P. 7.

² K. P. Kirkwood. *Renaissance in Japan*. Tokyo, 1970. P. 30.

тературы X—XIV веков: «Повести Исэ», «Повесть о Гэндзи», «Записки у изголовья», «Рассказы, собранные в Удзи», «Записки от скуки», «Собрание старых и новых песен Японии», «Сто стихотворений ста поэтов» и др. В числе первых коммерческих изданий того времени оказывались и некоторые сочинения китайских авторов, например, собрание судебных казусов Гуй Ваньжуна «Сопоставление дел под сенью дикой груши» (XII в.) и сборник дидактических притч XIII в. «Двадцать четыре примера сыновней почтительности». В ходе приобщения к литературному творчеству представители новой японской интеллигенции, формировавшейся главным образом из горожан и выходцев из захудалых самурайских родов, осваивали художественное наследие прошлого.

На протяжении XVII столетия городская культура проделала большой путь. Чутко реагируя на происшедшую в обществе смену нравственных приоритетов и эстетических предпочтений, она менялась сама и одновременно меняла облик того, что принято именовать японской художественной традицией. Эта культура демократична и носит по преимуществу светский характер. Буддийские идеи и символы, определявшие существо интеллектуальных и художественных движений предыдущих эпох, утратили свое универсальное значение и подверглись заметному переосмыслению под натиском новых представлений о мире, диктуемых опытом повседневной практической жизни и обусловленными ею ценностями.

Для обозначения земного бытия культура XVII века по-прежнему использовала известное еще со времен раннего Средневековья слово «укиё» («плывущий», «быстротечный, изменчивый мир»), но теперь оно отражало не столько буддийскую идею иллюзорности и непостоян-

ства всего сущего, сколько представление о сиюминутных радостях и удовольствиях «мира сего»:

Жизнь — всего лишь наваждение,
Но ведь хороша!..
Станет плоть бесплотной тенью,
Отлетит душа.
Наслаждайся же покуда,
Балуй естество:
Пей, да пой, да веруй в чудо —
Больше ничего!¹

В XVII веке слово «укиё», не утратив традиционных смысловых коннотаций, приобрело такие новые значения, как «чувственный», «легкомысленный», «современный». На языке того времени выражение «одержимость укиё» означало «разгульную жизнь», под «разговорами об укиё» разумелись пикантные сплетни, «напева-ми укиё» именовались модные песенки вроде приведенной выше, а если кого-нибудь называли «укиё-отоко», можно было не сомневаться, что речь идет о щеголеватом повесе. Укиё, изменчивый, превратный, но от этого тем более привлекательный, а главное, соразмерный человеку мир — краеугольное понятие культуры того времени.

Осознание самоценности земного бытия было открытием, за которым, однако, стоял духовный опыт культуры XIV—XVI веков, развивавшейся под знаком дзэн-буддизма. Дзэнская мысль о тождестве эмпирического и истинно сущего, суетных страстей и просветленного бесстрастия послужила той почвой, на которой взросла жизнелюбивая, гедонистическая культура XVII века. Сутолока по-

¹ Перевод А. А. Долина. / Осенние цикады. Из японской лирики позднего средневековья. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 254.

вседневной жизни проникала в литературу, на театральные подмостки, в условно-декоративный мир живописи, освежая и обогащая язык искусства. Складывался новый художественный стиль, в котором «умозрение» средневекового художника вытеснялось реальным «зрением»¹, а обобщающей символике классических образов противопоставлялась сила непосредственного чувства и яркость конкретного жизненного наблюдения.

Расцвет этого нового по духу и стилю искусства приходится на последнюю четверть XVII века — период, который, по выражению Дж. Сэнсома, стал для Японии «скромным ренессансом»². Именно тогда, вдохновляя друг друга, творили поэт Мацуо Басё, драматург Тикамацу Мондзаэмон, живописец и мастер жанровой гравюры на дереве Хисикава Моронобу. К этому блистательному созвездию талантов принадлежал и Ихара Сайкаку.

«Это по-голландски!»

Имя Сайкаку прославили его прозаические сочинения, между тем свой путь в литературе он начал как поэт.

Подобно многим выходцам из состоятельных купеческих семей, завершив курс начального образования в приходской школе, он пятнадцатилетним юношей стал обучаться поэзии, что для человека с литературными амбициями было равнозначно получению серьезного филологического образования.

В то время непревзойденным мастером и наставником молодых поэтов считался Мацунага Тэйтоку (1571—1653).

¹ Н. С. Николаева. Человек в японской жанровой живописи конца XVI — начала XVII в. // Человек и мир в японской культуре. М.: Изд-во «Наука», 1985. С. 97.

² G. V. Sansom. The Western World and Japan. New York: Alfred A. Knopf, 1951. P. 189.

Он и его последователи с благоговением относились к традициям старины и прививали своим ученикам навыки виртуозного владения техникой версификации.

Годы ученичества были для Сайкаку временем погружения в мир классической литературы и приобщения к тайнам мастерства, однако жестко регламентированный набор поэтических средств ограничивал возможности самовыражения, без которого не мыслил себе творчества молодой поэт.

В 60-е годы XVII века большую известность в поэтических кругах приобрела возглавляемая Нисиямой Соином (1605—1682) осакская школа «Данрин», приверженцы которой экспериментировали со стихом, вводили в поэзию новые темы и образы, подсказанные городской жизнью того времени. Они стремились вернуть вознесшемуся над повседневностью литературному слову его первоначальную простоту и конкретность. Их излюбленным стилем был пародийный гротеск, наибольшим же признанием у них пользовались произведения, как можно менее похожие на «классические» образцы.

В среде сторонников этой школы получили распространение так называемые «докугин хайкай» — «сольные» выступления поэтов, пришедшие на смену коллективному сочинению «стихотворений-цепочек» (рэнга), одному из видов традиционного поэтического творчества. «Докугин хайкай» давали возможность стихотворцам вырабатывать собственный стиль, привносить в поэзию индивидуальное авторское начало.

Эта атмосфера творческой свободы и несогласия с традицией не могла не импонировать Сайкаку, который с первых же самостоятельных шагов на поприще поэта отстаивал за собой право писать иначе, чем требовал шлифовавшийся веками поэтический канон. В предисловии к одному из ранних стихотворных сборников он писал:

«Некто спросил: “Почему вы предпочитаете поэзию, свободную от общепринятых правил?” Отвечаю: “Мир поэзии сделался мутным. Лишь я один прозрачен. Зачем же, хлебая этот мутный суп, вылизывать еще и осадок?” И далее: «От стихов, которые приходится то и дело слышать, уши покрываются плесенью, а язык зарастает мхом. Они никуда не годятся и напоминают ворчание немощных стариков».

Идеалом Сайкаку было творчество, «свободное от общепринятых правил». Созерцательности средневекового рэнга он противопоставил спонтанность внезапной остроты, традиционной поэтической лексике — стихию просторечия, закрепленным в каноне законам поэтической дикции — живую, часто насмешливую разговорную интонацию.

Новации Сайкаку в области стихотворного языка вызывали критику со стороны поэтов-традиционалистов, пренебрежительно именовавших его «голландцем». В те времена Голландия была единственной европейской страной, с которой торговала Япония, и поэтому воспринималась как символ всего чуждого, непривычного, экзотического, экстравагантного. «Даже малые дети в Нагасаки, — замечает в этой связи Дональд Кин, — кричали: “Это по-голландски!” — когда кто-нибудь из них нарушал правила игры»¹. Называя поэзию Сайкаку «голландской», ревнители чистоты поэтического стиля выводили его творчество за пределы искусства. В мире традиционной поэзии он и впрямь казался чужестранцем.

Сайкаку поражал современников не только неожиданными стилистическими вывертами, но и невероятной скоростью, с какой ему удавалось сочинять (а точнее, «вы-

¹ Д. Кин. Японцы открывают Европу. 1720—1830. М.: Изд-во «Наука», 1972. С. 22.

паливать») стихи во время своих «сольных» выступлений. В 1677 г. он установил своего рода рекорд, сложив в течение суток тысячу шестьсот строф подряд, — это означало, что на каждую строфу у него уходило в среднем чуть более минуты. В 1680 г., приняв вызов двух других поэтов, Сайкаку улучшил этот результат, доведя количество строф до четырех тысяч. А в 1684 г. на поэтическом турнире в осакском храме Сумиёси он сочинил за сутки... двадцать три тысячи стихотворных строф, повергая в растерянность писцов, не успевавших переносить его стихи на бумагу¹.

Поэзия Сайкаку была искусством мгновенной импровизации, «способом наискорейшей записи мыслей»² и жизненных наблюдений. Его стихотворные цепи напоминают вереницу жанровых картинок-миниатюр, в которых преобладает не лирическое, а повествовательное начало. Вероятно, именно поэтому стихотворные экспромты Сайкаку при всей их живости и остроумии впоследствии были забыты. Зато из захлестывавших его поэзию «прозаизмов» со временем выросла великолепная проза, которой было суждено пережить и самого писателя, и его эпоху.

РАССКАЗЫ ОБ ИЗМЕНЧИВОМ МИРЕ

Произведения, созданные Сайкаку-прозаиком, вошли в историю японской литературы под названием «укиё-дзоси» — «рассказы об изменчивом мире». Этот термин, появившийся в самом начале XVIII века, не только закреп-

¹ Подробнее о творчестве Сайкаку-поэта см.: Дональд Кин. Японская литература XVII—XIX столетий. М.: Изд-во «Наука», 1978. С. 32—33.

² Б.Л. Пастернак. Избранное. М.: Изд-во «Художественная литература», 1985. Т. 2. С. 307.

лял за творчеством писателя принадлежность к новому художественному стилю эпохи, но и проводил разграничительную черту между ним и произведениями предшествующей литературы, которые именовались «кана-дзоси» («рассказы, написанные слоговой азбукой», т. е. по-японски — в отличие от сочинений на китайском языке — и рассчитанные на широкий круг читателей).

Проза кана-дзоси сохраняла прочную связь с традицией. Главенствующее положение в ней занимали жанры, унаследованные от средневековой литературы. Однако на протяжении XVII столетия они стали претерпевать некоторую деформацию. Так, в эпическом повествовании сквозь толщу традиционных художественных воззрений стали пробиваться ростки нового отношения к изображаемому. Внимание авторов привлекали уже не только ратные подвиги героев, но и «неофициальная» сторона их жизни.

Определенные сдвиги наметились и в поэтике двух других распространенных жанров — новеллы о чудесах и любовной повести. Создатели рассказов об удивительном все чаще обращались к обыденной, повседневной жизни города XVII века, причем их интерес к бытописанию порой даже превалировал над желанием увлечь читателя повествованием о чудесном происшествии как таковом. «Уточняющая» бытовая деталь прокладывала себе путь и в любовной повести, изобличая ее романтически приподнятый тон как некую условность, дань традиции.

Черты нового отношения к изображаемой действительности и литературному герою расшатывали канон средневековых жанров, но еще не вели к его коренному переосмыслению. То, что в прозе кана-дзоси ощущалось лишь как отклонение от идеально уравновешенной ху-